

Маре Ж

9/III-86

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Москва

5 ИЮН 1986

«Двадцать лет назад Маре был первым номером французского кино», — написал недавно об актере известный парижский журнал «Премьер». Да, был... А что делает Жан Маре сейчас?

— Потихоньку седею в трудах и заботах, — отвечал я раньше на подобный вопрос. А как сейчас сказать, откровенно не знаю: все вроде бы уже позади.

Грустно улыбается Жан Маре, топорща рукой ежики белых, как снег, волос. Он удобно, по-домашнему сидит на жестком пластинковом стуле, положив на скатерть большие тяжелые руки. Даже странно, как человек с такими натруженными, крестьянскими руками мог играть всю жизнь рыцарей и королей, графов и мушкетеров.

— Я по натуре человек простой. Мой отец был ветеринаром, матери не помню... Главным учителем стала жизнь. У меня никогда не было никаких дипломов, высоких званий. Пробовал когда-то поступить на сценическое отделение Парижской консерватории, но не прошел экзаменов — меня сочли бесталанным. И в самом деле, я был полным нулем со сценической точки зрения: долговязый мальчишка с угловатыми движениями и манерой любой ценой сделаться актером. Тем не менее немногим позднее удалось поступить в «Комеди-франсез» — самый традиционный и классический французский театр. Моим педагогом стал замечательный актер и режиссер Шарль Дюллен. Именно у него мы начинали вместе с Жан-Луи Барро. Жан-Луи сейчас семьдесят пять лет, а мне — семьдесят два...

Он говорит это привычно и буднично, а мне не верится: неужто графу Монте-Кристо уже семьдесят два! То же мужественное лицо с голубой сталью глаз, прежняя белозубая улыбка... Вот только руки с желтыми оспинками неизбежной старости. Да седая щетина еще не отросшей окончательно бороды.

— Естественный грим для новой роли. — Маре проводит ладонью по подбородку. — Сейчас играю в театре «Рон-пуэн» дон Диго в «Сиде» Корнеля. Помните, есть в «Сиде» такой эпизод: дон Диго бросается сражаться, он пытается вынуть привычным движением меч из ножен, но силы уже не те — тяжелое оружие падает на землю? Это про меня. Символично, не правда ли... Жизнь прожита, и я не жалею ни о чем.

Удивительный дар у этого человека: Жан Маре заявляет о своей «несерьезности» так естественно и убедительно, что трудно не поверить в искренность его слов. Впрочем, я бы так и сделал, если бы не знал другого Жана Маре — из «Орфея», «Красавицы и чудовища», «Друга главного орла», «Завещания Орфея». Того самого Жана Маре, который когда-то наотрез отказался сниматься в авантюрно-исторической картине: «Я — серьезный актер! После этих трюков со шпагами, что подумают обо мне друзья!» Так бы и не узнали зрители захватывающих героя многих «плаща и шпаги», если бы не наш мастер кинематографа сумел разглядеть в отличном актере психологического плана не менее талантливого Рюи Блаза и д'Артаньяна. Конто подказал позднее и идею приключенческого сериала с Фантомасом.

— До сих пор живу в тени гения Кокто. Он, и только он, был моим создателем. Кокто учил всему на свете, но никогда не давал понять, что дает уроки. В этом и состояло искусство этого незаурядного человека — писателя, режиссера, драматурга, художника, актера...

Прекрасный театальный актер, он гораздо больше известен в мире как кинозвезда. А ведь кино — лишь верхушка, малая надводная часть того огромного айсберга, имя которому — Жан Маре.

— В принципе настоящий актер одинаково хорошо рабо-

интерес. Многие режиссеры предлагали мне любопытные роли, но финансовые «короли» кино разуверились в моем успехе. Актер на Западе подобен товару: если костюм или, скажем, рубашку никто долго в магазине не берет, их уценивают, а то и вообще отправляют на барахолку. Бизнес есть бизнес. Продюсеры, дающие сегодня деньги на съемки фильмов с моим участием, в какой-то мере рискуют. Надеюсь, что риск с фильмом «Родственные узы» не оказался напрасным. В этой картине я играю старого

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС Жан МАРЕ:

«Не жалею ни о чем...»

тает и в кино, и в театре, и на телевидении. Но начинается истинное мастерство с театра. Только тут актер обретает возможность на сто процентов раскрыть свой творческий потенциал. Классический театр: Мольер, Шекспир, Корнель, Расин!.. Только на сцене можно ежедневно совершенствоваться, добиваться постоянного прогресса. Пусть малого, незаметного сразу, но прогресса! Театр — вот истинный пьедестал для актера. Не случайно даже самые яркие «звезды» кинематографа стараются не порывать с театром — скажем, Жерар Депардьё, Анни Жирардо, Пьер Ришар. И вообще за примерами ходить далеко не надо. Вспомните хотя бы Жерара Филиппа, он, по моему, идеально сочетал в себе две актерские стихии — кино и театр.

— Видимо, Вы не случайно заговорили о Жераре Филиппе? Как раз он блистал когда-то в «Сиде» — спектакле, в котором сейчас танцует Вы...

— Жерар Филипп был великолепным мастером, не может существовать двух мнений. Но не в обиду памяти о нем скажу: нынешний Сид, которого зрители могут увидеть в театре «Рон-пуэн», гораздо сильнее образа, воплощенного когда-то Жераром Филиппом, Франсис Юстер — запомните это имя! Этот молодой актер, исполняющий в том числе и роль Сиды, творит на сцене чудеса.

Да, много муз удалось покорить Жану Маре! Он и художник — в одной из престижных галерей Латинского квартала в Париже сегодня выставлены его картины, скульптуры, керамика. И декоратор — многие пьесы идут в его оформлении. И автор книги «История моей жизни», вышедшей во многих странах, в том числе и в Советском Союзе. И, конечно, киноактер — только что на экраны Франции вышел фильм «Родственные узы», где в главной роли занят Жан Маре. Этой картине, сделанной начинающим режиссером Вилли Рамом, предшествовали пятнадцать лет отлучения Жана Маре от кино.

— Я постарел, изменился, и продюсеры ко мне потеряли

одинокое крестьянина, приехавшего в большой город для встречи со своим случайно нашедшимся, никогда не виденным ранее, внуком.

Этот фильм — протест против расизма, против мира насилия.

— И как Вы расцениваете шансы на успех такой картины, когда экраны французских кинотеатров затоплены продукцией совсем иного рода, — сработанными за океаном боевиками и фильмами ужасов, проповедующими культ насилия?

— Я — оптимист по своей натуре. Мне кажется, что бездумная картина с мордобитием и штабелями трупов заставляет людей задуматься над тем, что философское и поэтическое восприятие жизни гораздо важнее законов, утвержденных силой кулака. Думаю, западная публика уже настолько набилась себе оскмину бесконечными боевиками, что теперь тянется к поэзии. Открою вам небольшой секрет: только что закончил работу над сценарием сказки с феями. Правда, никто во Франции пока что не желает финансировать съемки такого фильма, продюсеры считают его коммерчески неперспективным.

— А не кажется ли Вам, что такое понимание жизни приходит только с годами?

— Ни в коем случае! Именно так я воспринимал жизнь на всем ее протяжении. Помните, какими словами заканчивается одна из ранних пьес Жана Кокто: «За все надо платить, платить...»? А чем можно заплатить судьбе за прекрасные минуты вдохновения, подаренные молодостью? Лишь своей старостью. Это великолепно для актера — старость. Появляется верная возможность попробовать себя в ролях, которые бы иначе ты никогда исполнять не стал.

Интервью вел
К. ПРИВАЛОВ.
(Наш соб. корр.).

Париж.

46